

ЭКОНОМИКА И ВЛАСТЬ. БЕДНОСТЬ ПРИ БОГАСТВЕ

Академик Н.Я. ПЕТРАКОВ, директор ИПР РАН

*Интервью корреспонденту газеты «Гудок» В. Кузнецевскому
25 ноября 2004 г.*

С директором Института проблем рынка РАН академиком Петраковым, мы встретились, что называется, по старой памяти. В первой половине 1980-х годов я занимал должность ученого секретаря Президиума АН СССР по Секции общественных наук, и мне по работе часто приходилось встречаться с молодым, блестящим ученым, заместителем директора ЦЭМИ АН СССР, доктором экономических наук Николаем Петраковым по поводу организации научных работ Института, а также подготовки аналитических материалов, как тогда говорили, в Инстанцию, то есть, в ЦК КПСС и в Правительство. Поэтому когда я на днях позвонил ему по поводу его последнего выступления по ТВ, о встрече договорились сразу.

- Николай Яковлевич, с той поры, как страну нашу стремительно ввергли в рынок, перманентной проблемой в экономике стала хроническая задолженность по зарплате. Причем, как в бюджетной сфере, так и в бизнесе. На вопрос о причинах и Правительство, и бизнес отвечают: нет денег. В стране действительно нет денег? И вообще, как верно оценивать наше положение: бедны мы все-таки, или богаты?

- Богаты, конечно. Объективно. И бедны. Вследствие проводимого экономического курса. А если говорить о деньгах, то денег в стране много. Не стану приводить другие данные, давайте возьмем только то, что в буквальном смысле уже стало общим местом – доходы от экспорта нефти. До 1998 года, до дефолта, баррель нефти (159 литров или примерно 166 килограмм) на мировых рынках стоил где-то около 12 долларов, а сейчас подскочил до 50. Экспорт нефти составлял тогда что-то около 150 миллионов тонн в год, а в прошлом году наши нефтекомпании вывезли 223,5 миллиона тонн. Доллар тогда стоил 6 рублей, а сейчас 29. Перемножьте эти цифры, и вы увидите, какое огромное количество и долларов, и рублей зарабатывается сейчас страной. А ведь мы вывозим на внешние рынки не только нефть, но и природный газ, сталь, химические продукты, высокотехнологичное вооружение и так далее.

Иное дело, что мы, народ, этого дикого количества денег не видим. Ну, если не считать того, что из зарубежной прессы то и дело узнаем, что ежегодный список долларовых миллиардеров постоянно пополняется за счет россиян, и что наши сограждане то футбольный клуб в Англии купят, то виллу или замок во Франции.

Где же оседают эти деньги? В частных компаниях (мы, правда, никогда не узнаем, сколько их), в Центробанке (золотовалютные запасы перешагнули сумму в 100 миллиардов долларов), в стабилизационном фонде (порядка 27 миллиардов долларов). Денег в целом много. Но они не идут в реальную экономику. И в этом вся проблема. Почему?

Герман Греф и другие монетаристы, которые с 1991 года продолжают оставаться у руководства национальной экономикой, на вопрос, почему деньги не идут в реальную экономику, отвечают, как и 10 лет назад, в период шокотерапии, что если мы пустим деньги в экономику, то будет инфляция.

- Это не только Греф говорит. Вот буквально на днях министр финансов РФ Алексей Кудрин, оправдывая свое скопидомство, сказал, цитирую: «Если эти деньги придут в экономику, то у нас наступит гиперинфляция».

- Ну, вот, видите, у них, у нынешнего Правительства, в этом плане одна линия - монетаристская.

- А вы считаете, что они все монетаристы?

- Конечно. И Греф, и Кудрин, и Игнатьев, и Вьюгин, и Улюкаев, и Илларионов и другие – это все птенцы гайдаровско-чубайсовского гнезда. Они считают, что главное, чем нужно заниматься Правительству, – это душить инфляцию. А душат они ее одним способом – уменьшением денежной массы в реальной экономике.

Немцов совершенно справедливо неоднократно заявлял, что экономический блок и нынешнего, и предыдущего Правительства проводит экономическую политику правых партий. Ситуация складывается парадоксальная. В декабре 2003 года при выборах в Госдуму народ высказался против проводимой правыми экономической политики. По принятым во всем мире правилам, люди, которые проводили экономический курс, отвергнутый избирателями, из Правительства уходят. А у нас они все остались на своих местах.

Все чиновничье ядро экономического блока в Правительстве осталось правым. И именно они создают погоду в экономической политике.

Зачем мы тогда проводим выборы? Для профформы что ли? Если так, тогда правым не надо говорить о том, что все. Что их волнует, так это только соблюдение демократии, уважение воли избирателей.

- Кое-кто все-таки уходит. Вот А. Чубайс уже не министр финансов...

- Вы считаете, что он ушел? Встав во главе крупнейшей государственной компании. Это что ли уход?

Вот они все остались и продолжают проводить свою экономическую политику. А что это за политика?

Я говорю им, хорошо, ребята. Вы проводите монетаристскую политику. Давайте говорить на вашем языке. В монетаристской теории есть три параметра: цены, денежная масса и товарная масса. Если у вас денежная масса растет, то цены будут расти. Но это при условии, если товарная масса остается неизменной. Почему же вы все время забываете, что товарная масса – она ведь тоже динамична?

Сошлюсь на конкретный пример. Как-то смотрел по ТВ «Парламентский час». Тогда еще председателем Правительства был М.М. Касьянов, и его вызвали в Госдуму для отчета о деятельности Кабинета. И вот какой-то депутат, со всем уважением, и даже как бы стесняясь своего невежества, задает вопрос:

- Михаил Михайлович, у нас сейчас большой профицит бюджета, а в ЖКХ сложилась такая ужасная ситуация. Нельзя ли на нужды жилищно-коммунального хозяйства пустить часть этого профицита?

И вот Михаил Михайлович вальяжно так, со скучающим выражением на лице, как учитель, которому уже надоели эти двоечники, которым надо все повторять и повторять одно и то же, а те все не понимают, отвечает:

- Ну, как вы не понимаете, что если мы часть бюджетного профицита бросим сейчас на ЖКХ, то это вызовет инфляцию.

Депутат стушевался, а мог бы и ответить председателю Правительства, что если вы часть профицита бюджета пустите на то, чтобы в три раза повысить зарплату полупьяному сантехнику, то вы, конечно, получите инфляцию. Но проблема, с которой сталкивается ЖКХ – это не проблема зарплаты полупьяного сантехника. Это проблема труб, проблема котельных, проблема теплоизоляционных материалов и так далее. Но если вы на это пускаете деньги, то вы делаете заказ машиностроителям, промышленности строительных материалов, металлургам, то есть, вы создаете рабочие места. А это значит, что товарная масса увеличивается. И вы решаете проблему замены этих проржавевших труб, потери тепла в транспортных артериях, в теплоснабжении, водоснабжении, решаете проблему установления счетчиков. В этом случае поступление денежной массы, которую

вы направляете в ЖКХ, ни в коей мере не будет означать роста цен. То есть, вопрос-то заключается в правильной инвестиционной политике Правительства.

Да, денежная масса растет, но если товарная масса, количество услуг, предоставляемых населению, растет еще быстрее, то рост денежной массы будет сопровождаться не ростом цен, а их снижением, потому что денежная масса не просто растет, а инвестируется в рабочие места и в товарную массу.

Это совершенно очевидный процесс. И он относится не только к ЖКХ.

Возьмите наш авиапром. Авиапромщики просят выделить им кредит около 5 миллиардов долларов, чтобы вывести эту отрасль из кризиса, чтобы запустить новое поколение наших самолетов, ТУ-204, например, довести до конкурентоспособного уровня.

- Авиастроители просто цифру называют в 5 миллиардов долларов, или у них разработаны конкретные бизнес-планы на этот счет? Спрашиваю потому, что председатель Правительства Михаил Фрадков вроде бы уже и сам подталкивает сейчас отечественный бизнес к тому, чтобы тот представил конкурентные бизнес-проекты, на которые Правительство могло бы выделить часть золотовалютного резерва.

- В том-то и дело, что существуют конкретные расчеты. Я не знаю, представлены ли они в Правительство, но расчеты сделаны. У нас золотовалютный резерв сейчас зашкалил за 100 миллиардов долларов. Ну, почему не пустить сюда деньги, чтобы хотя бы на внутреннем рынке не вытеснить зарубежные аэробусы? Ведь сейчас происходят ужасные вещи, когда наши самолеты неконкурентоспособны даже на внутреннем рынке. Не говоря уже о том, что раньше весь рынок Китая, с его огромными территориями и огромными объемами пассажиро- и грузоавиаперевозок обеспечивался нашей авиатехникой, потому что у них там железнодорожная сеть не очень развита.

- На днях в этой стране прошел авиасалон Airshow China, на котором западноевропейские авиастроители проявили очень большую активность по вовлечению Китая в свою сферу интересов. В частности, речь идет о европейском строительном гиганте Airbus (аэробус), который объявил о намерении открыть свой инженерный центр в Китае. В перспективе у нас в партнерстве с КНР скоро останется только военное авиастроительство, против которого, кстати сказать, есть довольно активные возражения у нас в стране.

- Если не профинансируем в самое ближайшее время отечественный авиапром, то не только китайский, свой собственный рынок потеряем. А ведь в этой отрасли занято более 600 тысяч человек. Их куда? Переучивать что ли на производство сковородок?

«Аэрофлот» же не просто так рванулся закупить по лизингу около двух десятков бывших в употреблении американских «Боингов». Я был в Китае в прошлом году, могу сказать, что китайский рынок уже потерян для российского авиапрома, потому что туда все активнее идут американские самолеты. Аэробусы, наши ТУ-154, заканчивают там свой ресурс, а никаких новых контрактов не предвидится.

Бог с ним, с Китаем, нам сейчас самим до зарезу нужны эти 5 миллиардов долларов для авиапрома, потому что за рубежом нам такого кредита не получить. В мире есть только три центра авиастроения – США, Западная Европа и Россия. Американский «Боинг» и европейский «Аэробус» практически уже рынок после ухода России поделили, и если Россия затухнет, это только на руку первым двум, а пуще всего американцам: конкурент с рынка уходит. Кто же будет добровольно конкурента себе возвращать? Только сумасшедший. Поэтому если сейчас нашли бы эти 5 миллиардов и бросили их в авиапром, то никакой инфляции мы бы не получили, а получили бы рыночный продукт.

Вопрос не назрел, а перезрел. Если его не решить, то самолеты у нас скоро начнут падать через одного, потому что летающая техника устарела, а другой нет. Мы в 2004 году сделали только 6 самолетов, в 2005-ом рассчитываем сделать 30. Если объединим

производителей в единый концерн и разовьем лизинг, то можем со временем выйти на строительство 340 машин (уровень 1992 года). Но решать эту задачу нужно сегодня, сейчас. Хотя правильнее было бы сказать: еще вчера.

То же самое можно сказать и про нашу автомобильную промышленность. Почему не произвести модернизацию нашего автопрома? Здесь тоже нужны инвестиции. Да, самим нам здесь, за счет собственных технических ресурсов, не развернуться. В отличие от авиапрома, где у нас огромное количество заделов, собственных ноу-хау, в автопроме этого нет. Ну, давайте за счет западных технологий развивать свой автопром. Прошла же этот путь Южная Корея, которая после войны понятия не имела об автомобиле, а сейчас конкурирует с Западом. Пусть сначала за счет отверточного производства. Ничего страшного. Зато на нем научится свой собственный рабочий класс, персонал чистоте работы, качественности, ответственности. А потом создадим и свое собственное автомобильное, электронное производство, и автомобили станут, обязательно станут, конкурентоспособными.

Почему мы пошли на поводу у Каданникова и позволили ему отгородиться таможенными барьерами и пошлинами от мирового рынка? Он хорошо себя чувствует за этим забором и производит автомобиль практически 1960-х годов. Кому он нужен этот его автомобиль?! Никакого уважения к отечественному автоводителю.

Если Правительство сегодня изменит свою экономическую политику, мы еще сможем вырваться из технической отсталости. Не верьте тем, кто пренебрежительно говорит о нас, что Россия, дескать, сейчас похожа на Верхнюю Вольту с ракетами, дикари, дескать. Только слепец может так говорить о России, неважно, где он живет, в России, или на Западе. Ракеты-то мы ведь сами сделали, на поклон ни к кому не ходили. Значит, дикари-то с мозгами.

Ладно, оставим тяжелые, так сказать, отрасли, давайте возьмем деревообрабатывающую промышленность. Зачем гнать за рубеж лес-кругляк? Давайте создадим целевые проекты в этой отрасли, профинансируем их, и будем делать полуфабрикаты, которые при экспорте дают огромные деньги. Посмотрите, какая дорогая у нас сейчас мебель. Среднему классу не по карману покупать испанскую, итальянскую, румынскую. Но можно ведь и свое производство развернуть.

Еще раз хочу подчеркнуть, нам самого главного у зарубежа занимать не надо – мозгов. У нас столько технических открытий и наработок в загашниках, что дай импульс, подкрепи его финансированием и дело пойдет так быстро, что мир опять будет приседать, бить себя по ляжкам и ахать: откуда у этих русских опять все взялось?!

Но для этого нужно не сидеть на тех деньгах, что мы имеем, как скупой рыцарь.

Правительство нам говорят, что деньги мы бережем на черный день. На какой черный день?! Когда он наступит?! Чего вы его так страстно ждете?! Да вот же он, этот черный день, перед нами, давайте сегодня выходить из него.

Я со всей ответственностью заявляю, что все вопли о том, что у нас в стране нет денег для того, чтобы вывести нашу страну на уровень развитых стран – это чистой воды блеф!

Как-то еще можно было понять руководителей нашего экономического блока в Правительстве, когда они эти ужасики по поводу инфляции рисовали 12 лет назад: дефицит бюджета был огромный, рубль падал, галопирующая инфляция, золотовалютных резервов практически нет. Нас тогда убеждали, что вот инфляцию задушим, и всеобщее счастье наступит. Но сейчас-то все наоборот! Почему счастье-то, которое обещали, все не наступает? Почему мы продолжаем бегать все по тем же Давосам и кредиты выклянчиваем? Говорим: идите к нам, потому что у нас сейчас все так хорошо, что мы можем ваши инвестиции освоить. А инвестиции не идут. Почему?

А потому что западный инвестор на нас смотрит и спрашивает: если у вас все так хорошо, и у вас у самих так много денег, то почему вы-то их сами в реальную экономику не вкладываете? Значит у вас с экономикой что-то не то? А если вы придерживаете свои

деньги, то не лучше ли и нам подождать? А вот если вы начнете свои деньги вкладывать в инвестиции, тогда и мы приглядимся.

Нас все продолжают пугать инфляцией. Да с каких пирогов вы взяли, что будет инфляция?!

Ну, а если и будет, то так ли уж это плохо? Нельзя бороться с инфляцией путем подавления реальной экономики. Люди уже выходят на митинги протеста. Перекрывают магистрали, а мы все продолжаем талдычить, что нельзя пускать накопленные деньги в реальную экономику. Инфляция, между прочим, не такая уж абсолютно плохая вещь. Если разумно ею управлять, она играет позитивную перераспределительную роль. Если мы повысим сегодня зарплату бюджетникам на 50-60 процентов (учителям, врачам, библиотекарям, работникам музеев и так далее), а не на 20, как планирует Правительство, опасаясь инфляции, то завтра инфляция скакнет на 30 процентов? Ну, и пусть ее. Люди-то все равно буду получать больше на 25-30 процентов, чем сейчас. Кому плохо от этого? Главное – правильно конструировать в этом случае инвестиционную политику.

- Могу засвидетельствовать на своем жизненном опыте, что инфляция не такая уж плохая вещь. В 1970-е годы я работал в Югославии. Там в это время как раз бушевала инфляция. Утром на ценниках в магазинах стояли одни цены, а к вечеру уже другие. Но зарплата опережала этот рост цен. Меня тогда поначалу удивляло, что несмотря на такие темпы инфляции народ жил хорошо, настроения в обществе были оптимистичные, а экономика росла бурными темпами. Меня же учили по Марксу, что инфляция это очень плохо для трудящихся масс, а на деле, в жизни выходило наоборот.

- Инфляцией нужно, конечно, управлять. В начале 1990-х, кстати сказать, Правительство управляло ею очень даже хорошо: народ обнулили, а олигархи едва не попались от обогащения.

Расчеты, произведенные в нашем Институте, показывают, что одним из факторов, тормозящих развитие экономики, является низкая покупательная способность населения, потому что она искусственно сокращает емкость рынка. Посмотрите, у нас сейчас рынок ориентирован на слой состоятельных людей. Расчеты Натальи Михайловны Римашевской, директора Института социально-экономических проблем населения, показывают, что разрыв между богатыми и бедными у нас продолжает расти...

- Да, Наталья Михайловна мне об этом рассказывала. Мы с ней договорились завтра встретиться и подробно поговорить на эту тему.

- У нас рынок ориентирован на состоятельных людей. Попробуйте у нас купить дешевую табуретку. Не найдете. Я это как потребитель знаю. Мебели много, дорогой, итальянской, испанской, комплектами, а табуретку не купите. Хорошо, Лукашенко от нас не отвернулся, вполне приличную мебель Белоруссия на наш рынок поставляет и по вполне доступной цене.

Отечественные товары из сферы ширпотреба у нас есть, но производители за ориентир берут западные модели и, соответственно, и цены выставляют такие же почти. А ведь должно быть не так. Я вспоминаю, один старый анекдот. Умирает миллионер-еврей. Сын стоит у кровати и просит у отца совета, как ему вести дело, чтобы самому разбогатеть. Отец отвечает: если хочешь разбогатеть, производи дешевые товары для бедных, потому что бедных очень много. А наше Правительство совсем не понимает этой старой еврейской истины. Товары для бедных не производятся, емкость рынка сужается, экономика не развивается.

Политика Правительства сегодня - это не политика борьбы с бедностью, как того требует наш Президент, а политика перевода бедных в нищих. А нищие – это публика совершенно неплатежеспособная. Когда я говорю о бедных, то я говорю о людях, которые хоть автомобили не имеют, но живут все-таки еще достойно. Так вот Правительство вместо того, чтобы проводить политику перевода бедных людей в разряд

среднеоплачиваемых, переводит их в разряд нищих. А с нищим населением мы экономику не поднимем и Россию великой не сделаем.

При этом основная проблема нашего общества в том, что бедными у нас являются не инвалиды, а вполне трудоспособные люди, которые получают низкую зарплату. Кто в этом виноват? Государство?

Я готов согласиться с господином Грефом, что государство должно уйти из экономики. Пусть оно уходит, но при этом оно не может уйти от своих внеэкономических обязанностей. Мы сейчас создали государство, у которого нет денег на исполнение своих кровных функций. Не будем заходить далеко, возьмем такую функцию как охрану предпринимателей. Ведь их «крышует» криминалитет. А почему? Да потому, что у государства нет денег достойно платить за работу правоохранительным органам, обеспечить их соответствующей экипировкой. В результате число людей, занятых в частных охранных предприятиях сравнялось с числом сотрудников МВД. То есть, реальная экономика охраняет сама себя, не доверяя государству, да еще и платит оброк в виде взяток правоохранительным органам.

Словом, проблемы в реальной экономике нужно решать сейчас, если мы не планируем дожидаться социального взрыва от населения при продолжении монетаристского курса. А можно, конечно, и дальше копить деньги в стабилизационном фонде, в золотовалютных резервах, продолжать накачивать прибыли нефтяных и прочих олигархов. Но тогда мы строим сегодня не социальное государство, как записано у нас в Конституции, и не для собственного народа. Для кого? А это уже другой вопрос.